

О драматичной поэме «Волки»

Польшин - человек рискованный. Он пытается пусть неровно, спорно, иногда сбивчиво осуществлять в поэтической форме сложные эпические идеи. В поэме «Волки» ощущается, конечно, влияние есенинского «Пугачева», каких-то других произведений, но сама дерзость и масштабность (прежде всего, на уровне замысла, а не исполнения) вызывают уважение.

Вероятно, по частностям к «Волкам» можно предъявить разные претензии. Но у меня есть вопрос не частный, а принципиальный: если это все-таки замах на эпос, то автору стоило бы остеречься так уж откровенно демонстрировать свои политические, идеологические предпочтения. Эпичность подразумевает способность видеть героев и события без изначальной предвзятости.

Мне кажется правомерной трактовка антоновского восстания как своеобразного повторения разинского или пугачевского мятежа, как проявление неизбывной потребности крестьянства в правде и воле. И в этих сценах автор, на мой взгляд, убедительнее всего.

А вот Вожак, Воин, Комиссар даны зло и окарикатуренно. Мне представляется, что это идет вразрез с самой жанрово-стилистической, да и исторической традицией, в рамках которой А. Польшин хочет работать. Здесь все-таки точнее и глубже увидеть и у оппонентов Волков их правду, их неоднозначность. И уже наверняка не стоило превращать в такого злодея Комиссара. Не потому, что среди комиссаров не было злодеев, а потому что такое решение делает поэму примитивнее и худосочнее.

Вообще самое слабое в «Волках» (это опять же на мой вкус) - схематизация истории, прямолинейное размежевание персонажей трагедии на правых и виноватых. Чем ближе к финалу, по мере перемещения действия в наши дни, эта схема все больше мешает и настораживает. Вместо самодвижения поэтической и этической мысли мы получаем иллюстрацию на тему авторских симпатий и антипатий.

Я бы рискнул дать непрошенный совет: ограничиться 1-й частью, усложнив заочные отношения, противостояние антиподов, раскрыв драматизм устремлений в обоих лагерях.

Впрочем, если А. Польшин с этим не согласится, мне думается, что 1-ю часть можно и после менее фундаментальной доработки опубликовать, позволив читателю сделать собственное заключение насчет позиции автора, достоинств и просчетов текста. Это был бы, так сказать, бонус за смелость, которую поэт продемонстрировал. Быть может, публикацию стоило бы снабдить какими-то историческими справками, документами, по-разному трактующими^{ми} и оценивающими^{ми} Антонова и его восстание.

С Исааком Моисеевичем Розенфельдом я познакомился в конце нулевых. К сожалению, всего неделю назад узнал от одной знакомой, что его уже год как нет с нами. Залез я в интернет и обмер: умер Исаак Моисеевич после продолжительной болезни 22.06.2024. Год назад, стало быть, а я ни слухом ни духом. Какой день выбрал, однако... Только не мы выбираем этот день, а нас выбирают и за нами приходят. За кем-то в чёрном, а за кем-то в белом. Не знаю, какие за мной придут, но видел однажды светлый коридор, знать, не всё так запущено. Думаю, и моему приятелю насчёт этого не стоило волноваться, а нам и подавно. Пришли за ним ангелы в светлом и забрали в соответствующее место.

Выше приведён его отзыв на мою поэму «Волки», полученный мною из рук Розенфельда в 2009 году. Со всеми его выводами я сегодня согласен на 90%. Поэму я эту в итоге доработал, и стала называться она «Настоящие волки». К предыдущим двум частям была дописана ещё одна, а также были учтены некоторые пожелания уважаемого критика. Эти изменения не коснулись лишь Комиссара и двух первых персонажей из первоначального списка. Тут я через себя и чрез правду переступить ну никак не мог.

Поэма эта была напечатана в журнале «Бийский вестник» №1 2021 года. «Есть в ней шукшинский дух», – так выразился главный редактор этого журнала Буланичев В.В. по поводу моей работы. Напечатал без каких-либо правок и изменений. Удивлён я такому отношению был несказанно, ведь в наших местах такое просто невозможно.

Да, у этого произведения есть своя предыстория, как ни крути. В работе «Шприц и якорь» я об этом рассказывал и не буду повторяться.

С первой нашей встречи с Исааком Моисеевичем у нас установились приятельские отношения. Я ему иногда позванивал, спрашивал того или иного совета. Просил, помнится, вступительную статью к книге «Граница» написать, на что мой друг ответил отказом по причине плохого самочувствия. Было это как раз зимой 2024 года. По-другому, видать, он и не мог поступить в тот момент. Прежде чем написать такую статью, книгу надо было внимательно прочитать, а книга эта – приличный «кирпич» в своём роде. Отличается она от кирпича силикатного внутренним содержанием. А эти люди – серьёзные критики: если берутся за дело, то делают его на жилах и огне правдотлеющем. Позже я приглашал Исаака Моисеевича на презентацию, и он по понятным причинам не пришёл, хотя по телефону не отказал, сказав, что по самочувствию. Кстати, книгу я ему передал через его соратников по работе. Читал или нет – этого не скажу, не знаю.

Телефон он мне дал при нашей первой встрече. Телефон домашний! И встреча наша была всего одна, однако, кажется мне, что знал я этого человека как будто сто лет и никак не меньше. Не было в нём фальши, не было в нём второго дна, а мне такие люди импонируют. Слишком много лживых прохиндеев вокруг и шкур. Именно Розенфельд мне тогда сказал о лживости и подлости этих продажных писак. И говорил он о наших местах и никак не иначе. Тогда я ему не поверил, мне казалось, что местные писатели, в т. ч. и мои знакомые, такие все душки и ангелочки. Теперь, спустя пятнадцать лет, я понимаю о чём говорил мой критик. Сегодня они, словно шакалы, по мою душу рыщут и облизываются. Исаак знал, о чём говорил. Говорил он это человеку незнакомому. Однако, почитав меня, он понял, что мы на одной волне, на одном Пегасе скачем. И я вам, уважаемые читатели, скажу, что русским он был более, чем некоторые... Русским по духу, русским по философии. Быть русским – это не значит родиться где-то под Рязанью или Лебедяню. Можно и в Йоханнесбурге! Дело в душе: или она есть, или её нет. Пушкин, Есенин, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Горький, Замятин, Булгаков, Рубцов, Магомаев, Гамзатов... Этот духовитый список можно продолжать до бесконечности... Том за томом, «кирпич» за «кирпичом».

Приятельские отношения с моей стороны зародились сразу, когда я увидел Исаака Моисеевича Розенфельда, на тот момент заместителя главного редактора «Липецкой газеты» или ещё кого-то, в кедах. Да, представьте себе, в обыкновенных кедах сидит человек за письменным столом под портретами вождей. От такой демократии я даже оробел немного. И демократия эта была не какая-то там французская, а наша – новгородская или

псковская. Нет, вру... Виделись мы два раза: первый – когда рукопись приносил, второй – когда забирал. Когда он был в кедах, уже и не вспомнить. Я в таких кедишках в футбол гонял в седьмом классе. Кстати, есть ещё один известный человек, который тоже любит кеды. И человек этот хоккеист Александр Овечкин, который побил все рекорды NHL! На приём к президенту страны в такой обуви пожаловал. Вот она демократия! А то легушатники – в смокингах и стрингах... Лично я после армии в сапогах кирзовых ходил. И не потому что мне обуть нечего было, а потому что хотел понять философию этих самых сапог. Клим Самгин!..

Мой приятель считался в наших краях непревзойдённым критиком. И это звание, это уважение Исаак Моисеевич получил по праву. Все знали его принципиальность и твёрдость в отстаивании своего мнения. А мнение его было честным и ясным как божий день. Направил меня к нему другой главный редактор, который располагался по соседству через два кабинета. Зарубились мы с ним по «Волкам» не на шутку. Если по моей драматической поэме «Вечное Поле» вопросов почти не возникло, то здесь...

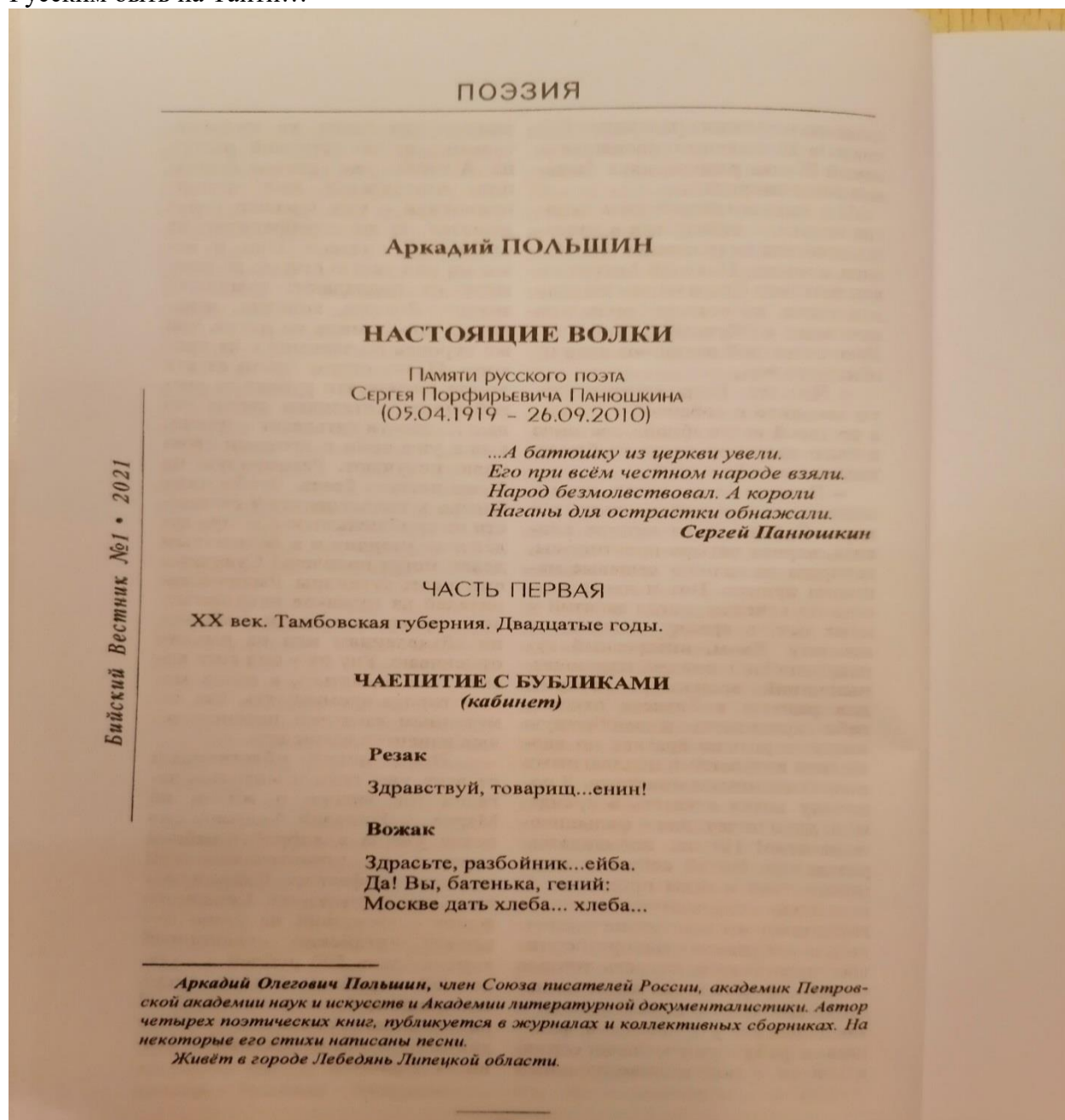
Оно и понятно – поэма «Волки» не для слабонервных. Опять же, обладает эффектом присутствия, чему полно подтверждений. Розенфельд был последней инстанцией в этом вопросе, в вопросе публикации, в решении этого спора. И он дал добро на публикацию первой части. Это видно из самого заключения, приведённого выше. Однако дело дальше не пошло. Первая часть этой работы почему-то не была напечатана. Скажу больше, не публиковался я в этом журнале пятнадцать лет после этого. Недавно выписал мне всё тот же главред амнистию, да, видать, ненадолго. Кстати, почему в наших редакциях все по кабинетам сидят? Думают?... Не лучше ли в одном, чтоб дым стоял коромыслом, чтоб перья ломались от споров, как шпаги у дуэлянтов. Думаю, что Исааку Моисеевичу такой подход понравился бы, только не он определял расстановку фигур на этой шахматной доске. Держался он в редакции из-за своего пера – твёрдого и профессионального. Такого профи в наши дни днём с огнём не сыскать. Он мог и городничему возразить, и другим гоголевским лауреатам... Руки у них, само собой, чесались, и резцы поблёскивали. Да, видать, коротки были... Последнее время И.М. Розенфельд работал неполный день, здоровье не позволяло. Однако и этого времени хватало, чтоб блеснуть пером и мыслью.

Почему я взял названием к этому эссе слова Александра Невского? Всё очень просто и прозрачно. Потому что журналист Розенфельд И.М. на протяжении своей жизни следовал этому принципу, и этому факту полно подтверждений. Вступить за оклеветанного собрата по перу или незаслуженно обиженного, для него было обычным делом, словно кеды зашнурить. Его статьи и репортажи на страницах «Липецкой газеты» всегда отличались боевитостью и правдорубством. В наши дни такого нет и в помине. Всё гладко и сладко: хорошие фотки, дизайн на высшем уровне, всё по высшему разряду. Однако чего-то не хватает, на мой взгляд. Не хватает огня, не хватает «динамита» в строках. Я это на примере своей любимой дворовой толстушки излагаю. Были у нас Анатолий Курков, Татьяна Новожилова, Владимир Зайцев, Николай Лямин и др., которые про этот внутренний огонь знали не понаслышке. Сейчас работает на вторых ролях Марина Владимировна Переверзева, которая пытается влить бензин в этот самокат, а за ней ещё несколько правдорубов идут по тому же следу, словно Ункас с Чингачгуком. И всё!

Быть может, не хватает таких журналюг как Исаак Моисеевич Розенфельд за письменным столом, у которых можно было учиться молодёжи. Никто никаких цензур у нас не устанавливал, и мы живём в свободной стране! Мой приятель всегда это подчёркивал и пропагандировал. Однако меня, например, не печатали в областном журнале пятнадцать вёсен, а в районной газете семь (промежуточный показатель). И это происходит не потому, что я чего-то там не так пишу, а потому, что я не нравлюсь этим реакторам, которые свои должности, надо полагать, получили посмертно. Я и не навязываюсь. В других местах меня печатают с удовольствием и причмокиванием. Просто хочется землякам поведать, что ты написал. Ведь моё творчество основано, прежде всего, на краеведении. Розенфельд таких авторов, как я, понимал. За что ему мой поклон и уважение. Он и Панюшкина Сергея

Порфирьевича знал достаточно хорошо. Знал он и Шахова с Шальневым, был знаком с Анатолием Тихоновичем Березневым. Один круг! На орбите этого круга находился и я. И не только находился, но и по-прежнему нахожусь. И цепляются ко мне уже новые звёздочки и глыбы, образуя новый круг со старыми якорями. Одним из этих якорей, зацепившихся за земную ось и оставивших в ней непаханный след, является Розенфельд Исаак Моисеевич, для которого Правда была второй после Господа. Царствие небесное!

Год назад он ушёл
Вслед за правдой и верой.
Снова гол как сокол,
Но по графику первый.
Наши «Волки» в пути,
Наши волки в орбите.
Тяжко с двух до пяти
Русским быть на Таити...

28 мая 2025

Союз писателей России – Аркадий Польшин